

Научная статья
УДК 394.014
doi: 10.17223/19988613/76/18

От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии

Антон Алексеевич Садырин

Томский государственный университет, Томск, Россия, sadyrin.1994@mail.ru

Аннотация. Предлагается наблюдение за изменением содержания социально-антропологического концепта «жилище» в трудах классиков XX столетия, а также за переходом его основания к концепту «мигрантского дома». Предметом анализа стали работы, выполненные исключительно с помощью качественной методологии, так как размышлять о «мигрантском доме» в парадигме транснационализма без выхода в поле невозможно.

Ключевые слова: жилище, «мигрантский дом», транснационализм

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90020.

Для цитирования: Садырин А.А. От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 151–156. doi: 10.17223/19988613/76/18

Original article

From “home” to “migrant home”: the development of the category of dwelling in sociocultural anthropology

Anton A. Sadyrin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Россия, sadyrin.1994@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the evolution of the category of «home» and «migrant home» in socio-cultural anthropology. The work is divided into three logically related semantic parts. The first part «From «turns» in anthropology to «turns» in the concept of dwelling» creates a context into which the future text of the article is immersed. Particular attention is paid to the research understanding of “house” in the context of functionalism (B. Malinovsky), structuralism (K. Levi-Strauss), constructivist structuralism (P. Bourdieu), works related to the ontological turn in anthropology (F. Descola), feminist and gender studies.

The second part of the article analyzes the history of emergence of the concept of transnationalism. As a starting point for the development of transnationalism, the book by A. Appadurai «Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization» was taken. The main provisions of the author's work are highlighted. The same section reveals the foundations of transnationalism, which are reflected in the work of the founders of this theoretical framework (N. Glick-Schiller, K. Blank-Zanton and L. Bash). The transnational paradigm has come to be seen as an optics that visualizes the process of structuring a new reality by mobile subjects, allowing them to simultaneously exist in different social contexts separated by a large geographical distance.

The third part refers to specific cases that reveal the essence of the «migrant home» according to the scientific principles of transnationalism. The analysis of foreign and domestic literature gives grounds to single out the “signs” of the “migrant home”. Firstly, the house is usually temporary, because the logic of transnationalism tells us that the life strategies of a transmigrant are extremely mobile: a labor migrant often changes jobs, acquires new social connections, and does not leave the thought of returning to his homeland. Secondly, the «migrant house» (if we are not talking about second generation migrants and about women migrants) is usually materially and symbolically empty – it makes no sense to acquire something valuable or dimensional if soon you will have to move again ... Third, a «migrant home» which is «here» (in the receiving country) often exists for a home «there» (in the country of origin). The house is subjected to symbolic comprehension, the house is subjected to a value assessment «there», and in this case the majority of labor strategies, and migrations between houses «here» will be made for the construction of a house

«there». Fourthly, transnational family interaction is also very often conducted around some kind of discussion about home «there». Fifth, the «migrant house» «there» is a postponed and imagined state of peace from the burdens of the present life.

Keywords: dwelling, «migrant home», transnationalism

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90020.

For citation: Sadyrin A.A. (2022) From “home” to “migrant home”: the development of the category of dwelling in sociocultural anthropology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 151–156. doi: 10.17223/19988613/76/18

В нашей собственной повседневной жизни «дом» как предмет для рефлексии слабо актуализирован. Для европейца или американца, стремящегося к включению себя в группу «среднего класса», дом (как правило, физически имеющий стены, пол и потолок) является синонимом стабильности, безопасности, эмоционального комфорта. Наверное, единственным весомым основанием мыслей о доме выступает его отсутствие. Дом для нас – это место, насыщенное рутинизированными практиками, место «нормальности». Что же в таком случае может являться домом для туземца?

От «поворотов» в антропологии к «поворотам» в концепте жилища

Вопросы, связанные с исследованием жилья туземцев, возникали в рамках культурной или социальной антропологии, этнографии с момента в целом понимания того, что существует кто-то Другой. Изначально это были вопросы быта, внутреннего убранства, зонирования помещений, связи помещений с ритуальными функциями и т.д.

В отечественной этнографии жилье в связке с «эт-носом» или «этничностью» долгое время осмысливалось как категория материальной культуры. Западные исследователи, в силу возникновения новых антропологических теорий на протяжении XX столетия, стали анализировать «жилище» через вновь возникающие концептуальные коридоры.

Отец британской антропологической мысли – функционалист Б. Малиновский – считал, что жилище направлено на удовлетворение первичной биологической потребности человека в безопасности: «Человеческое тело, даже среди тех народов, у которых нет достойного упоминания одежды, не открыто непосредственно ветру, осадкам и солнцу. Оно предохраняется культурным панцирем, в качестве какового выступает укрытие или жилище...» [1. С. 61]. Ученик и племянник Э. Дюркгейма М. Мосс косвенно изучал вопросы жилища в связке с семьей и домашней группой. В своих выводах он пришел к тому, что жилище суть основа и место единства семьи [2. С. 12].

В 1960 г. свет увидела статья антрополога из Эдинбургского университета Д. Литтлджона, который возглавлял экспедицию в Сьера-Леоне, начавшуюся в мае 1959 г. Основной задачей исследователей департамента социальной антропологии было изучение процессов урбанизации во вновь возникающих промышленных городах страны. Однако главным достижением профессора Д. Литтлджона стало описание дома народа

темне. Впервые была озвучена мысль о связи между домом и телом, между домом и опытом, а также повседневными практиками обитателей этого пространства [3. Р. 2].

П. Бурдьё, исследуя кабийский дом, сравнивает его с книгой, прочитав которую, мы можем понять структуру общества и мира. По мнению французского этнолога, дом есть микрокосм (уменьшенный образ мира), в котором все упорядочено, а тело в доме считывает культурные установки посредством своего движения [4. Р. 277]. Такая структуралистская логика в осмыслении дома стала для Бурдьё прообразом его концепции габитуса. Еще один классик французской этнологической мысли, К. Леви-Стросс, попытался включить дом в свое понимание социальной организации. Занимаясь классической для антропологии темой родства у племени квакиутль, он сделал вывод, что так называемое *house society* является переходной социальной формой между родством и классами. Такой дом в физической форме существует только для основной группы (представители высшего ранга), другие же члены собираются вместе только в особых ритуальных случаях, что делает их случайной родственной группой. В таком случае дом становится не экономической категорией, а социальной – определенная группа с определенным статусом. Как говорит сам К. Леви-Стросс, «...общества “с домами” позволяют увидеть, как образуется система прав и обязанностей... то, что было прежде единым, разделяется, а то, что было прежде порознь, объединяется. Происходит чехарда между теми связями, которые, считается, берут свое начало в культуре, и теми, что мы признаем делом природы...» [5. С. 21].

Автор антропологического бестселлера «Чистота и опасность» М. Дуглас также размышляла над темой дома в антропологии. В своей работе “The Idea of a Home: a Kind of Space” [6] автор пытается отойти от привычного понимания дома как некоего пространства, связывая его с временными структурами, эмоциями людей. Физический дом, по мнению М. Дуглас, есть одновременно воплощение пространственных и временных идей человека. Британский антрополог отказывается от ранее выдвигаемых коллегами утверждений о том, что дом, к примеру, весьма функциональная вещь: забота о теле нивелируется существованием отелей или оздоровительных центров, которые также способны удовлетворить заданную человеческую потребность [6. Р. 288].

Онтологический поворот в антропологии обусловил переход к ранее не поддающимся этнографиче-

ской рефлексии категориям, а именно к так называемым не-человекам (*non-humans*). В описываемую антропологами реальность были включены животные, вещи, насекомые, духи. Французский этнолог Ф. Дескола был одним из первых, кто допускал и в своей концепции постулировал множество миров (четыре онтологии: анимизм, натурализм, тотемизм и аналогизм). Поле Ф. Дескола был Эквадор с проживающим в нем племенем ачуаров, которое, как показалось антропологу в ходе наблюдений, совсем не пользовалось привычной нам структуралистской бинарной оппозицией природа / культура. Природа у ачуаров крайне условна, так как животные и растения наделены социальными (личностными) характеристиками. Природа в данном сообществе есть продолжение человека, где дикий лес – это сад, который попросту возделывается духом; оппозиция дикое / домашнее становится мало применима. Такая онтология позволила поставить вопрос о законченности дома как физического пространства: где границы жилища, если оно в представлении ачуаров (и не только их, Дескола пытается доказать это на протяжении всей работы) текуче, мобильно и не противопоставлено «дикой природе» [7. С. 51–58]?

С ростом гендерных исследований и укреплением позиций феминистских исследований в антропологии концепт дома стал чаще подвергаться осмыслению со стороны представителей данных научных направлений. Дом в произведениях таких авторов приобретает гендерно окрашенные оттенки, зачастую подвергается анализу связка эмоции–дом, которая по-разному могут проявляться для мужчин и для женщин. К примеру, в 1997 г. в свет вышла знаковая статья [8] в духе феминистских исследований профессора Университета Кардиффа К. Герни. Эта работа, выполненная с помощью метода эпизодических этнографий, демонстрирует разницу между мужским и женским восприятием дома как эмоциональной сферы, в которой мы находимся. Каждое из обозначенных направлений, в свою очередь, породило плеяды исследований категории дома.

Возникновение транснационализма и переход к «дому трансмигранта»

Переходя непосредственно к миграционным исследованиям, стоит отметить, что значительное влияние на интерес к процессам миграции вообще и конкретно к жилью мигрантов со стороны антропологов, социологов, экономистов, культурных географов и других социальных ученых оказали нарастающая во второй половине XX в. глобализация и сопряженный с ней транснационализм. Американский культурный антрополог А. Аппадурай был в числе первых, кто заставил переосмыслить существующие подходы к общественным глобальным процессам. В 1986 г. в свет вышла его работа «Социальная жизнь вещей» [9], вдохновленная идеями постмодерниста Ж. Бодрийяра. Аппадурай придерживался позиции, что ценность товаров возникает из-за их обращения / циркуляции внутри не только семьи, города или страны, но и мира. Помимо этого, он ввел концепцию, согласно которой товары могут превращаться в носителей стоимости, когда они

перемещаются между различными «режимами стоимости», или социальными конъюнктурами, в которых объекты оцениваются в разных терминах (например, товар, реликвия, дар, священный объект).

Концепция, изложенная антропологом в «Социальной жизни вещей», в совокупности с тотальным отрицанием современного национального государства позволила Аппадурай приступить к написанию новой работы, посвященной вопросам глобализации [10]. Вслед за А. Бергсоном А. Аппадурай принимает пространственные и временные различия общественной жизни, отдавая предпочтение последним. Для обоснования своих взглядов антрополог использует понятия Ж. Делёза «детерриториализация» и «поток» [11]. Последний термин активно вводился Аппадурай относительно глобализации наряду с М. Кастельсом и У. Ханнерцем. Для Аппадурай наш мир – это «мир потоков», в котором реальность состоит не из вещей и мест, а из постоянного движения людей (мобильность / миграция), товаров, образов и идей – своеобразных потоков. Это, в свою очередь, означает, что якобы традиционная антропологическая концепция культуры и идентичности, основанная и определенная местами, раскрывается как колониальное навязывание пространственной логики национального государства. По мнению Аппадурай, сообщества и идентичности подвергаются детерриториализации – они производятся на транснациональной основе и не могут быть идентифицированы ни с одним конкретным местом или территорией.

Основным и самым радикальным изменением, которое в своей работе выдвинул Аппадурай, является теория трансформации современности. Эта теория говорит нам о том, что электронные посредники серьезно меняют все поле массмедиа и воздействуют на традиционные средства коммуникации. Такими посредниками пронизана вся человеческая повседневность. Помимо массмедиа важна и возрастающая роль различных человеческих мобильностей. При этом миграция становится совмещенной с потоком виртуальных образов и чувств, транслируемых массмедиа. «К примеру, когда турецкие гастарбайтеры смотрят турецкие фильмы, сидя в своих квартирах в Германии, или же когда корейцы, живущие в Филадельфии, смотрят олимпийские игры 1988 г. в Сеуле, движущиеся образы встречаются с детерриториализованными зрителями, образуя транснациональные публичные сферы» [12. С. 57]. Две важные составляющие теории Аппадурай – миграции и масс-медиа, таким образом, реорганизуют работу социального воображения. Мобильность в этом случае становится синхронной – разрушается национальная и территориальная привязка к региональным и локальным пространствам, а воображение становится пространством борьбы. Мигранты пытаются включить все «глобальное» в личный опыт происходящего здесь и сейчас.

Таким образом, Аппадурай создал благоприятное теоретическое поле, в которое с большим энтузиазмом вошли миграциологи. Впервые оформленная теория транснационализма была сформулирована в начале 1990-х гг. коллективом исследователей в лице Н. Глик-Шиллер, К. Бланк-Зантон и Л. Баш [13. С. 14]. В клас-

сических миграционных исследованиях сообщества рассматриваются только в неразрывной связи с «местом», т.е. они, по мнению исследователей, обязательно где-либо локализованы. Связь с «местом» осуществляется посредством особой локальной культуры [14. С. 133]. Транснациональную парадигму стали рассматривать как оптику, визуализирующую процесс структурирования мобильными субъектами новой реальности, позволяющей им одновременно существовать в разных социальных контекстах, разделенных большим географическим расстоянием. Границы размываются, что приводит к формированию новой социальной сферы, возникшей в союзе двух обществ. При этом действующим лицом трансграничной миграции становится «трансмигрант», поддерживающий многочисленные отношения в семейной, экономической, социальной, организационной, религиозной и политической сферах вне зависимости от материальности географических границ.

Качественная этнография и создание новых интерпретаций «мигрантского дома»

Новая концептуальная рамка в миграционных исследованиях проникла практически во все предметные области трансмиграции и стала применяться в том числе к анализу жилья трансмигрантов. Одной из ключевых фигур в данной области в настоящий момент является итальянский социолог П. Боккани. Ряд его работ посвящен транснациональному осмыслению дома трудовых мигрантов. П. Боккани на примере эквадорской миграции в Италию удалось показать, что мигрантский дом «здесь» существует лишь для дома «там». Дом мигранта состоит из опыта и смыслов, т.е. это непрерывный процесс пересборки дома посредством воображения [15].

Крайне привлекательной в рамках транснационализма выглядит концептуальная рамка «городского дома» (*urban home*). В своей статье, посвященной положению мужчин-мигрантов (если быть точнее, беженцев и образовательных мигрантов) в ирландском городе Крок, М. Фатхи использует «городской дом» в качестве демонстрации того, как и с помощью чего трансмигранты встраивают свое представление о доме в существующую вокруг них реальность. Особая роль в этом исследовании отводится «пространству заботы» (*space of care*), которое возникает в ходе межличностных интеракций между принимающим сообществом и приезжими. Именно это пространство, по мнению Фатхи, позволяет трансмигранту обрести чувство доверия, безопасности и, собственно, чувство дома, города-дома [16. Р. 11, 12].

Предметом исследований становятся дома не только уязвимой группы низкоквалифицированных трудовых мигрантов или беженцев, но также, к примеру, дома высококвалифицированных специалистов. Так, в своей статье о профессионалах из Австралии в Сингапуре культурный географ М. Бутчер поднимает проблему актуальности понятия гибкости по отношению к мигрантскому дому в рамках транснационализма. Ее работа демонстрирует, что иногда дом определен-

ными группами мобильных субъектов осмысливается в категориях физического пространства комфорта и культурного соответствия. Новое пространство начинает оцениваться с позиции «дом, не похожий на дом», что вызывает чувство дискомфорта и неуверенности [17. Р. 33].

Еще одной выделяющейся работой в парадигме трансмигрантского дома является статья П. Хонданью-Сотело, посвященная общественным садам Лос-Анджелеса как новым домам мигрантов из Латинской Америки. Пространство общественных садов становится гибридным домом для приезжих, одновременно домом прошлого и домом будущего, так как через них трансмигрант может воссоздать свою родину, а также стратегически переориентироваться на будущее. Сады являются местом «домашней сборки» мигрантов из Латинской Америки: здесь готовят пищу, воспитывают детей, лечат больных, проводят досуг [18. Р. 21, 24, 25].

Одна из основателей качественного мобильного исследовательского метода *go along* М. Кузенбах в исследованиях трансмигрантов из Латинской Америки в США придерживается своей мобильной «идеологии» и совершает попытку изучения передвижного дома, в котором проживают трансмигранты. По мнению М. Кузенбах, наличие личного домовладения для большинства европейцев и американцев (в их случае «дом» – это отдельно стоящий дом с передним двором и гаражом) во многом является маркером принадлежности к среднему классу, а также приобретением свободы, независимости и интимности. Потеря дома зачастую стигматизируется, а потерявшие испытывают стыд. М. Кузенбах утверждает, что латиноамериканцы смогли противостоять сложившемуся мейнстриму. Представители этой мигрантской группы в интервью исследователю отмечают, что крайне довольны своим положением в передвижных домах, так как находятся в близости со своими родственниками, наблюдают красоту окружающего мира и т.п. Почти каждый из участников исследования отмечал, что место его нынешнего проживания – нечто иное, чем «дом». Помимо этого, для кого-то передвижной дом обрел смысл убежища, поскольку здесь человека переставали окружать те проблемы, которые встречались в многоквартирном доме, для кого-то символический статус хозяина домовладения явился предметом рефлексии своей социальной мобильности [19. Р. 38].

Стоит отметить, что, хотя для российского научного пространства тема миграции не совсем нова, качественных полевых исследований в парадигме транснационального подхода к процессам человеческой мобильности в сопоставлении с западными исследованиями относительно немного. Особенно мало их в области жилья мигрантов. Одними из первых, кто неожиданно для самих себя (по заверению авторов) задался темой «дома» трансмигранта в России, были О. Бредникова и О. Ткач. «Речевые сбои» в разговорах с информантами заставили исследовательниц задаться вопросом: «дóма» (для мигранта) – это где? Основными участниками исследования были мигрантки, проживавшие на тот момент в Санкт-Петербурге. Коллеги

пришли к выводу, что дом мигранта в силу частой смены трудовых карьер нестабилен и не укоренен, этот дом лаконичен и аскетичен – минимально обустроен, так как, скорее всего, в ближайшее время потребуются новый переезд. Чуть ли не единственным фактором, способствующим обустройству жилья мигрантов, является наличие детей. Приватная жизнь в таком доме весьма проницаема и просматриваема. Главным критерием выбора того или иного пространства в качестве дома Бредникова и Ткач выделяют дешёвизну и близость к месту работы [20].

С.Н. Абашин обращается к дому мигранта как к тому, что находится не только в нарративах, но и в стране исхода. Однако «мигрантский дом» по большому счёту – это дом-обязательство: люди вкладываются в строительство дома на родине, постоянно говорят об этом, планируют вернуться для того, чтобы закрепиться в доме «там», но вновь и вновь возвращаются в «дом» здесь. Дом трансмигрантов из Узбекистана в таком случае, по мнению Абашина, не только и не столько демонстрирует привязанность к семье и родине, сколько является «важным средством перевода экономического капитала в социальный» [21. С. 154, 156].

Социолог А.Л. Рочева, взяв за основу теоретическую рамку в виде «жилищной карьеры» (*housing career*), которая демонстрирует связь смены жилищных условий и этапов жизненного цикла, вводит в миграционное исследовательское поле свое более узкое понятие «карьера квартиросъемщика». На основе анализа собранных интервью, исследователь приходит к выводу, что для московских мигрантов из Узбекистана и Кыр-

гызстана существует три основных позиции квартиросъемщика: рядовой жилец с арендой койко-места в общей квартире, арендатор комнаты, «хозяин» – ответственный квартиросъемщик, отвечающий за заселение / выселение и распределение обязанностей в квартире по отношению к другим мигрантам [22. С. 46].

В какой-то мере (после проведения и анализа качественных полевых исследований) можно заключить, что «мигрантский дом», во-первых, чаще дом временный, так как логика транснационализма говорит нам, что жизненные стратегии трансмигранта крайне мобильны: трудовой мигрант часто меняет места работы, обзаводится новыми социальными связями, не оставляет мысли о возвращении на родину. Во-вторых, «мигрантский дом» (если мы не говорим о мигрантах второго поколения и о женщинах-мигрантках) обычно в материально-символическом плане пуст – не имеет смысла обзаводиться чем-то ценным или габаритным, если в ближайшее время ты вновь совершишь мобильность. В-третьих, «мигрантский дом» «здесь» (в стране приема) часто существует для дома «там» (в стране исхода). Подвергается символическому осмыслению, ценностной оценке дом именно «там», в таком случае большинство трудовых стратегий, а вместе с ними миграций между домами «здесь» будет совершено для строительства дома «там». В-четвертых, транснациональное семейное взаимодействие тоже крайне часто ведется вокруг какого-либо обсуждения дома «там». В-пятых, «мигрантский дом» «там» есть отсроченное и воображаемое состояние покоя от тягот ныне проживаемой жизни.

Список источников

1. Малиновский Б. Избранное : динамика культуры. М. : РОССПЭН, 2004. 959 с.
2. Литвинцев Д.Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23. С. 7–34.
3. Carsten J., Hugh-Jones S. About the House: Levi-Strauss and Beyond. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 300 p.
4. Bourdieu P. The Logic of Practice. Cambridge : Polity Press, 1990. 333 p.
5. Леви-Стросс К. Путь масок. М. : Республика, 200. 399 с.
6. Douglas M. The Idea of a Home // Social Research. 1991. Vol. 58, № 1. P. 287–307.
7. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 584.
8. Gurney C. "...Half of Me was Satisfied": Making Sense of Home through Episodic Ethnographies // Women's Studies International Forum. 1997. Vol. 20, № 3. P. 373–386.
9. Appadurai A. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 348 p.
10. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
12. Фурс В. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 57–66.
13. Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслочность. М. : Новое литературное обозрение, 2020. С. 14–29.
14. Бредникова О., Кайзер М. Транснационализм и транслочность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб. : ЦНСИ, 2004. С. 133–146.
15. Boccagni P. What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration // Housing, Theory and Society. 2014. Vol. 31, № 3. P. 277–293.
16. Fathi M., Ni Laoire C. Urban Home: Young Male Migrants Constructing Home in the City // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369183X.2021.1965471>
17. Butcher M. From "Fish Out of Water" to "Fitting In": The Challenge of Re-placing Home in a Mobile World // Population, Place and Space. 2010. № 16. P. 23–36.
18. Hondagneu-Sotelo P. At Home in Inner-city Immigrant Community Gardens // Journal of Housing and the Built Environment. 2017. № 32. P. 13–28.
19. Kusenbach M. "Look at My House!" Home and Mobile Home Ownership among Latino/a Immigrants in Florida // Journal of Housing and the Built Environment. 2017. № 32. P. 29–47.
20. Бредникова О., Ткач О. Дом для для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.
21. Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab. Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.
22. Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 2. С. 31–50.

References

1. Malinovskiy, B. (2004) *Izbrannoe: dinamika kul'tury* [Selected Works: The Dynamics of Culture]. Moscow: ROSSPEN.
2. Litvintsev, D.B. (2020) The Category of Housing in the Classical Sociology. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* – Journal of Sociology and Social Anthropology. 23. pp. 7–34. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1
3. Carsten, J. & Hugh-Jones, S. (1995) *About the House: Levi-Strauss and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Bourdieu, P. (1990) *The Logic of Practice*. Cambridge: Polity Press.
5. Levi-Strauss, C. (200) *Put' masok* [The Way of Masks]. Translated from French by A.B. Ostrovsky. Moscow: Respublika.
6. Douglas, M. (1991) The Idea of a Hom. *Social Research*. 58(1). pp. 287–307.
7. Descola, Ph. (2012) *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Translated from French. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Gurney, C. (1997) "...Half of Me was Satisfied": Making Sense of Home through Episodic Ethnographies. *Women's Studies International Forum*. 20(3). pp. 373–386.
9. Appadurai, A. (1986) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
11. Deleuze, J. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia]. Translated from French. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
12. Furs, V. (2003) Ardzhun Appadurai. "Sovremennost'" na prostore: kul'turnye izmereniya globalizatsii [Arjun Appadurai. "Modernity" in the open: cultural dimensions of globalization]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3(4). pp. 57–66.
13. Kapustina, E. & Borisova, E. (2020) Obzor teoreticheskoy diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [A review of the theoretical discussion about the concept of transnationalism]. In: Berdnikova, O. & Abashin, S. (eds) *"Zhit' v dvukh mirakh": pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'* ["Living in two worlds": rethinking transnationalism and translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 14–29.
14. Brednikova, O. & Kayzer, M. (2004) Transnatsionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality (comments on terminology)]. In: *Migratsiya i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and the National State]. St. Petersburg: TsNSI. pp. 133–146.
15. Boccagni, P. (2014) What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration. *Housing, Theory and Society*. 31(3). pp. 277–293.
16. Fathi, M. & Ni Laoire, C. (2021) Urban Home: Young Male Migrants Constructing Home in the City. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369183X.2021.1965471>
17. Butcher, M. (2010) From "Fish Out of Water" to "Fitting In": The Challenge of Re-placing Home in a Mobile World. *Population, Place and Space*. 16. pp. 23–36.
18. Hondagneu-Sotelo, P. (2017) At Home in Inner-city Immigrant Community Gardens. *Journal of Housing and the Built Environment*. 32. pp. 13–28.
19. Kusenbach, M. (2017) "Look at My House!" Home and Mobile Home Ownership among Latino/a Immigrants in Florida. *Journal of Housing and the Built Environment*. 32. pp. 29–47.
20. Brednikova, O. & Tkach, O. (2010) Dom dlya nomady [A house for a nomad]. *Laboratorium*. 3. pp. 72–95.
21. Abashin, S.N. (2015) Vozvrashchenie domoy: semeynye i migratsionnye stsennariy v Uzbekistane [Returning home: family and migration scenarios in Uzbekistan]. *Ab Imperio*. 3. pp. 125–165.
22. Rocheva, A.L. (2015) Issledovanie pozitsiy "kar'ery kvartirov"emshchika i modeley prozhivaniya v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [Study of "a tenant's career" positions and the models of residence of Kyrgyzstan and Uzbekistan migrants in Moscow]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 21(2). pp. 31–50.

Сведения об авторе:

Садырин Антон Алексеевич – аспирант, ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Information about the author:

Sadyrin Anton A. – Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 30.09.2021; accepted for publication 22.02.2022